

Щи и жемчуг

София Кулажко

София Кулажко

Щи и жемчуг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70377850

SelfPub; 2024

Аннотация

Книга о детстве в 90-х, рассказанная от первого лица. История воспитания и взросления девочки в семье, где друг друга не любят. Каждый рассказ – тяжелое воспоминание, но вместе с тем история о любви к жизни. Важные и знакомые каждому детали создают яркую и живую картину детства: читатели узнают в книге не только жизнь маленькой девочки с Урала, но и самих себя. Рассказы сопровождаются авторскими иллюстрациями.

София Кулажко

Щи и жемчуг

У кого-то щи пустые, а у кого-то жемчуг мелкий.

«Жизнь тебя помотала», – сказал он и погладил меня по голове. Я тогда подумала, что вот оно, наконец-то кто-то оценил мою боль, заметил, как мне было мучительно. Будто если кто-то не скажет, что мне больно, я просто не узнаю об этом. Как тогда в детстве на качелях: я почувствовала, как торчащая железяка чешет руку, а потом увидела, как по ней бежит кровь, но я ничего не чувствую.

У меня есть несколько историй, которые я рассказываю почти всем, кого знаю. Я рассказываю их много-много раз всем и каждому, будто хочу и не хочу с ними проститься. Мне кажется, я хочу докричаться до мира с какой-то мыслью, но какой?

Мне пять. Раннее утро в крошечном городе на Урале. Мы с мамой только сошли с поезда в рассветный туман. Холодно. На траве лежит серая дымка. Нет ни машин, ни людей. Мы идём по дороге, у нас два чемодана, которые мама не может

нести одновременно. В одном из них тяжёлое сиреневое одеяло на всякий случай. Я изобретаю схему, по которой мама несёт один чемодан, пока я сторожу другой. Потом я бегу к тому чемодану, что впереди. Мама хвалит меня мой замечательный способ.

Река. Бурная и холодная. Чёрно-зелёный густой лес на другом берегу. Яркая трава под ногами, множество мелких разноцветных северных цветов. Жарко. Мама идёт с этюдником, я с рюкзачком: в нем еда и растворимый кофе с молоком, который так вкусно пахнет. Мы идём и идём. Мама хвалит меня: я так уверенно и так далеко иду, ни на что не жалуясь.

Ночь. На небе тысяча звёзд, где-то очень далеко слышно, как бегут поезда. Лают собаки. Мы сидим на улице рядом с вокзалом в ожидании поезда. Я смотрю на звёзды, а мама рассказывает мне сказку о царе Салтане. Засыпать нельзя: с платформы надо будет очень быстро запрыгнуть в проходящий поезд, чтобы вернуться домой. Нам хорошо и уютно. Кажется, мы бы здесь и остались.

«Не боишься так открываться?» Кто спрашивает такое – боится сам. Все, что я помню о своём детстве – драгоценно. Я чувствую, как много в нем воспоминаний тягостных и счастливых, но мне бы хотелось, чтобы как можно больше людей

услышали мои истории, узнали мою жизнь, как знаю ее я.

I

Кап-кап-кап. Кап. Я просыпаюсь от того, что мне на живот капает вода прямо с потолка. Белые стены, за дверью темно-рыжая ванна, на полу тазы. За окном проливной дождь, а в палате: кап-кап-кап. Холодно, сыро и ужасно хочется есть. Мы лежим с мамой в изоляторе, из еды дают только какую-то гадкую кашу. Я возмущаюсь, что маме нельзя даже апельсины. Как же так? Всем больным можно и нужно апельсины!..

Очень-очень хочется есть, особенно потому, что заняться нечем и выходить никуда нельзя. Мама не поднимается с кровати совсем. Кап-кап-кап.

Вдруг большая радость: тетя Лариса пришла. Я бегу к ней на проходную, она улыбается своей лучезарной мягкой улыбкой и дает мне пакет. В нем много всего, но особенно удивительный плавленый сыр в треугольничках. Мечта! Я несусь с пакетом к маме, мама грустно вздыхает: “Не надо было брать, наверное, последнее отдают”.

Сыр я ем очень вдумчиво и медленно, растягивая его на несколько дней. У него красочная и манящая упаковка, особенно завораживает ленточка, разделяющая крышку и осно-

вание. Она блестящая и сворачивается в идеально ровную катушку. Я аккуратно складываю ее и храню затем многие годы.

Кто-то становится легендой при жизни.

II

Дом с покосившимися стенами и кривым полом. Тарелку с борщом можно не наклонять, чтобы вычерпать остатки – он и сам выливается. . . Я и мама, молодая женщина и ее дочка. Два сапога скидка. Голодно, грязно, вши.

Меня пытаются угостить блинами, которые сотканы буквально из святого духа (мы живем в доме какой-то монахини) – воды и муки. Есть их невозможно. Значит, все-таки не настолько голодно.

На улице -30, колготки сушатся на морозе, затем их можно колом вносить в жилье и “ломать”. Ужасно захватывающее занятие.

Ночью по морозу мы идем на службу в церковь. Возможно, это даже Рождество. Перелаиваются деревенские псы, пахнет почему-то крем-брюле, в небе россыпь звезд, курятся домики, уютно горит в них свет. Будто картинка с новогод-

ней открытки.

Мама убеждает отдать мой маленький набор карандашей этой девочке. Мне очень обидно, но мама настаивает: “У нее совсем ничего нет!”. Мама девочки в ответ дарит мне дешевенький голубенький крестик.

Через несколько дней я получу в подарок от кого-то большой набор цветных карандашей, который не закончился до сих пор.

Через несколько лет девочка сгорит заживо, запертая в доме своей матерью.

III

Монастырь. Пахнет чем-то очень ядерно-красочным, мама говорит, что это клей для мебели и он очень вредный. Ужасно скучно и совсем не весело. Серое место, монахини неинтересные и молчаливые. Кажется, им неприятно даже мое существование. Во всяком случае, мне никто не рад. Мне они тоже не нравятся, и я совершенно искренне уже тогда считаю, что монастырь – это для тех, кто сдался.

Ночью кто-то подбрасывает под ворота монастыря маленькую, наверное, даже грудную девочку. Ее, конечно, от-

дают нам, потому что у мамы уже есть я. Подумаешь, еще один ребенок?

А мы так и думаем. Мама оставляет меня с Машей, Маша много плачет, но мне нравится с ней сидеть, потому что теперь я – большая. Мама покупает ей пеленку розового цвета, хотя мои все – цвета ряженки. Я очень завидую, но Машу все равно люблю.

Я не знаю, сколько времени мы с ней живем, но я уже считаю ее своей сестренкой и совершенно искренне предлагаю маме оставить ее с нами. В этот момент появляется мать Маши и забирает ее у нас.

Мы уезжаем из монастыря, я рисую для бабушки картинку, но теряю ее перед отъездом. Я расстроена, какая-то из монахинь пытается меня хоть как-то утешить: “Хочешь красивую открытку? Хочешь вот ножик хороший? Больше у меня ничего нет. Хочешь, помолимся и рисунок найдется?”

Я уезжаю без своего рисунка, а потом внезапно он выпадает из занавески в плацкарте. Это был момент настоящей веры. Мама говорит: “Это просто совпадение, наверное, куда-то положили и забыли, а теперь он вывалился”.

Я рассказываю эту историю бабушке и вручаю рисунок,

который проделал такой удивительный путь. Комната залита солнечным светом, бабушка кладёт картинку на швейную машинку и говорит: “М”.

IV

Новогодний вечер.

Я лежу на задвинутых стульях под столом. Обычно так лежит кот, его никто не может найти. Меня тоже никто не может найти. И не ищет.

Мама с бабушкой кричат друг на друга, долго, мама крушит какие-то предметы. Я чувствую, что больше не могу справиться с этим, и незаметно для себя начинаю смеяться. Пытаюсь заплакать, но ничего не получается. Я продолжаю смеяться, и этот смех пугает меня. Мне кажется, что я схожу с ума. Почему я смеюсь, ведь они ругаются?

Я уже знаю, что будет дальше. Успеваю выхватить кусок запретной колбасы (ее нельзя есть, потому что она не наша, а бабушкина, и вообще – пост). У колбасы очень яркий запах, сильно копченая, не очень вкусная, но хочется есть, поэтому я довольна и этим.

“Собирайся!”

Мы выходим в холодную зимнюю ночь. Я не задаю никаких вопросов. Мы просто шатаемся по городу. Мама пытается найти место, где мы могли бы переночевать. Конечно, нигде нет мест или ничего не работает. Заходим в какую-то больницу, конечно, нас из нее выставляют.

Мама покупает мандарины. Продавщица в ларьке улыбается нам и говорит: “С Новым годом!” Мне становится легче и веселее.

Мы где-то на другом конце города. Пустырь. Сугробы и ветер. Я вижу случайную пару – мать с сыном. Кажется, это моя учительница по труду. Она меня не очень-то любит: мама делает почти все работы за меня, ведь я все испорчу, а у нас нет денег на новую ткань. Учительница что-то грубо говорит своему сыну и тащит его за руку. Я не здороваюсь с ней.

Так и не найдя ночлега, под утро мы возвращаемся. Мы идем по мосту, который соединяет центр с нашим районом. Это единственная дорога домой.

Мама видит на столбах объявления проституток. Она забирается на перила моста и начинает срывать эти объявления. Я цепляюсь за нее, кричу: “Мамочка! Мамочка! Пожа-

луйста, не надо! Ты упадешь”. Рыдаю, но мать лишь отталкивает меня в сторону, сказав мне что-то грубое.

Мы заходим домой. Бабушка смотрит на нас мрачно.

V

Мамины длинные волосы. Темный блонд, коса до пояса, которая завораживает меня. Она носит их весь день собранными под заколкой. И только вечером перед сном снимает ее, тогда волосы распадаются на гладкие плавные волны.

У мамы есть челка. Она завивает ее, когда уходит по делам, поэтому на плите всегда стоит эмалированная желтая чашка с бигуди, а на столе чашка с малиновыми защелками. Каждый раз когда кипят бигуди, мама достает их специальной ложкой с дырками.

“Что у тебя за прическа вечно? Почему редко завиваешься? Ходишь с этими патлами вокруг лица!” – бабушка не оставляет мать без критики.

Однажды мама заболевает, ее волосы начинают редеть, на голове появляется большая лысина. Маме около 30, мне она кажется всегда молодой и очень красивой.

“Оставь меня в покое! У меня на голове уже лысина от такой жизни!” – кричит мать в ответ на очередные бабушкины претензии.

В это же время на уличных столбах начинают появляться предложения о покупке волос. Мама находит одну из таких парикмахерских, и мы отправляемся туда, чтобы продать ее роскошную косу.

Я иду вместе с ней, чтобы попрощаться с красотой. Косу отрезают, складывают, взвешивают – легкие светлые волосы почти ничего не весят. Сумма оказывается смешной, совсем не такой, какую мы ожидали. Ее не хватит ни на что. Я чувствую глубокое отчаяние и потерю. Стараюсь не плакать по дороге домой и не горевать каждый раз, когда мама наматывает на бигуди сильно укоротившиеся локоны.

На каком-то из семейных праздников мама играет на пианино и поет для гостей. “Распустила волосы, но не слышно голоса”. Бабушка передразнивает ее: “Отпустила волосы, но не слышно голоса” и смеется.

VI

Двухэтажный старый дом. Кажется, голубого цвета. Наша квартира на втором этаже, чтобы подняться туда, нужно ид-

ти по длинной скрипучей и темной лестнице. Под ней лежат старые журналы. Среди них я нахожу один номер журнала “Трамвай” с забавными картинками и смешными историями, которые мы с мамой с удовольствием читаем.

Во дворе дома за посеревшим от старости деревянным забором стена, увитая каким-то растением. Оно вьется почти вдоль всей стены, я каждый раз разглядываю ее с упоением, мечтая о том, чтобы наша дача так же “заросла”. У растения странные плоды: ярко-зеленые пушистые шарики, похожие на коротенькие огурцы, которые так приятно пружинят в руке, пенятся какой-то белой жидкостью, если на них давишь.

Внутренний двор покрыт деревянным настилом, которые зарос и разрушился. У какого-то пенька я нахожу группу поганок, конечно, нещадно рву их с тем, чтобы потом приготовить из них “салат”: нарезать, придумать про них историю, а затем долго-долго отмывать руки с мылом, опасаясь отравления.

Рядом на соседнем перекрестке живет девочка, имени которой я не помню. Ее мама тоже часто куда-то уходит, оставляя ее без ключей от дома. Но мы маленькие, поэтому нам ничего не стоит пролезть во двор в щель под забором, как это делают собаки, и объесться в сенях сырым тестом, которое ее мама поставила с утра.

В нашем съемном доме холодно и сыро, но зато нет никакой “живности”. Именно там мы остаемся совсем без денег. Чтобы поесть хоть что-то, мама варит из одного куриного кубика бульон. Здесь же я наедаюсь испорченных рыбных консервов, мне становится очень плохо, приезжает скорая. Мое маленькое сиреневое детское одеялко, которые мы обычно возим с собой, навсегда пропахнет рвотой и этими воспоминаниями о голоде.

В конце концов, мама сдается и мы отправляемся к тете Ларисе (наверное, занять денег). Там меня, конечно, сажают за стол “без всяких разговоров” и кормят самым вкусным на свете борщом. Мама стыдится того, что я такая голодная, она одергивает меня, но я вижу лишь лучистые глаза тети Ларисы, которая говорит: “Ну, что ты, Таня! Какая ерунда”. Я набрасываюсь на тарелку, жадно уплетаю ярко-красный суп, имеющий неповторимый запах, который я запомню навсегда.

VII

Большая квартира со странной планировкой, где не в каждую комнату можно попасть из коридора. Крошечная кухня, на потолке черно-зеленая плесень, от которой нет спасения. Темная коричнево-рыжая ванная с характерным “ледяным”

запахом, потому что из крана идет только холодная вода.

На двери туалета висит табличка: “Штраф за курение – 500 000 р” с зачеркнутыми нулями. Я спрашиваю у мамы, почему так, она отвечает что-то про загадочную деноминацию. Тем не менее, в туалете все равно пахнет табаком и очень сильно. Там курит дядя Магомет.

Еще он на балконе курит и еще телевизор смотрит. И когда ему нужно идти “в ночь”, все в квартире передвигаются на цыпочках. Я дядю Магомета боюсь ужасно: мне он кажется очень суровым человеком, угрюмым.

У него есть прекрасная тетя Лариса и три дочери с невыговариваемой дагестанской фамилией. В сочетании с отчествами, которые достались им от него, имена девочек превращаются в длинные скороговорки, которые так забавно повторять. А еще от него у них черные кудрявые волосы и темные выразительные глаза.

В комнате девочек фотообои с деревьями и голубым небом, за окном большое поле, а по вечерам одолевает сетку озверевшее комарье.

Больше всего я люблю Аню. У Ани красивая длинная юбка с подсолнухами, в которой она ходит гулять поздно вече-

ром, кассеты с группой Five и Ютой, дерзкий характер и крутой нрав. Я очень хочу быть похожей на нее. Аня учит меня мыть пол: “Тряпка, конечно, противная, но ты, когда моешь, думай о том, что потом сможешь руки с мылом помыть”.

***

Я сижу на кухне все той же квартиры (теперь тут просторно, нет ни плесени, но ржавчины): со мной Аня и ее дочь, тетя Лариса и дядя Магомет, мы пьем шампанское. За окном все то же поле, цветы и травы на подоконнике, прыгает по нему маленький черный котенок.

Я прощаюсь со всеми перед отъездом, дядя Магомет крепко обнимает меня на прощание, уколов своими усами, желает хорошей дороги.

А через год он умрет.

VIII

Это было там же. Кажется, я спала в комнате девочек. Сквозь сон слышу, как мама очень ласково, но настойчиво будит меня посреди ночи. «Соня, вставай скорей! Скорее выходи на улицу! Все пропустишь!»

Я продираю слипшиеся ото сна глаза и, накинув только олимпийку, как-то оказываюсь во дворе дома на детской площадке.

На улице стоят соседи со всех домов и смотрят вверх. Темно-синее небо, слово из сказки, подсвеченное на горизонте, тысячи звёзд.

Сегодня падает комета.

Я чувствую единение со всеми и радость. Кажется, будто всех людей вдруг сплотила эта красота и ожидание чуда.

Вот она пролетает: белая звезда с длинным хвостом. Уходит куда-то за горизонт, пока мы кричим, смеёмся, прыгаем и загадываем желания.

Ах, как хочется вернуться

Ах, как хочется ворваться в городок

На нашу улицу в три дома

Где всё просто и знакомо, на денёк

Где без спроса входят в гости

Где нет зависти и злости, милый дом

Где рождение справляют

И навеки провожают всем двором.

Дома в Екатеринбурге наша любимая с мамой передача «Городок». Больше всего нас трогает эта финальная песня.

Два панельных двухэтажных дома, стоящих перпендикулярно. Площадка со старыми качелями. Сушащееся на улице белье, ковры на перекладинах. Цветы в палисадниках. Только через дорогу деревенские домики, а здесь – уголок цивилизации, но все так же смотрящий окнами на поле и закатный лес.

IX

*You've got a new horizon it's ephemeral style
A melancholy town where we never smile*

В моем дешевеньком плеере играет Gorillaz "Feel Good Inc". Батарейка садится, пленку заедает, слова странно и нелепо растягиваются. Опять и опять нажимаю на кнопку перемотки, слушаю эту мелодию, пытаюсь повторить слова речитатива, напевая "Feel good". Почти ничего, кроме этих слов, я не могу перевести, но чувствую, что песня на самом деле грустная.

Ветер треплет мои волосы, мороз кусает кожу (как это вообще возможно летом?) – я иду гулять на "гору". Вот бетонный мост, по нему проносятся редкие машины, гремят пли-

ты дороги, на зубах хрустит пыль. Я поднимаюсь по тропинке к сосне. Она стоит одиноко на юру, подверженная всем ветрам.

Я снова включаю песню, которая мне так нравится:

Windmill, windmill for the land
Turn forever hand in hand
Take it all in on your stride
It is sticking, falling down

Love forever, love is free
Let's turn forever you and me
Windmill, windmill for the land
Is everybody in?

Я чувствую какое-то глубокое одиночество и пронзительное несчастье. Эта серость и тьма вокруг, вязкий звук в наушниках, невозможность ничего исправить.

Я иду назад на лыжную базу, где мы живем. Там ужасно холодно, не работает сантехника, мы питаемся дошираками. Но всегда, когда я туда возвращаюсь, я вижу неповторимый изумрудный лес с кедровыми соснами.

Х

У Ани в комнате есть магнитофон. Из него играет крутая музыка. Например, "We will rock you" группы "Five". С мелочи, которую мне ссуживает пьяный дед, я накапливаю 50 рублей и покупаю свою первую в жизни кассету. Я еще не

знаю, что "We will rock you" – это кавер, а остальные песни мне не понравятся.

На новые кассеты у меня, конечно, нет денег. Но дома есть двухкассетный магнитофон и радио.

Трогать, конечно, ничего нельзя. Бабушка покупает технику не для нас, а чтобы “была”. Хотя в “видике” спрятаны мои конфеты, я умею чинить антенну и настраивать сетку каналов. А еще у меня есть время, когда нет никого дома, и инструкция к магнитофону.

Я сижу за пианино на крутящемся стуле, пахнет старым лакированным деревом, надо мной стоит “Sharp”, из него играет радио. Нахожу любимые песни на разных станциях и жму кнопку “запись”. Вот начинается реклама, я злюсь, снова и снова ищу нужный трек и записываю его набело.

Потом крошу журналы на картинки для обложек, потрошу старые кассеты, записываю названия песен, как могу. Иногда что-то рассказываю в микрофон и пытаюсь заставить в него мяукать кота. Меняюсь кассетами с друзьями и пирачу любимые песни.

У меня есть целая коллекция кассет. И, когда я одна, я танцую перед миллионами зеркал и пою, не попадая в ноты.

XI

Мама не разрешает мне носить брюки. Потому что “неправославно”, потому что “девочки не носят брюки”. Потому что на них нет денег.

Целую неделю я выслуживаюсь перед бабушкой: поддакиваю и лгу, выполняю все ее поручения, играя самую хорошую внучку. Все для того, чтобы она взяла меня на оптовый рынок в субботу.

Мама не одобряет вещи, купленные на рынке. Мама не разрешает ничего брать у бабушки. Поэтому мы заключаем с бабушкой сделку: она покупает мне брюки, но я помалкиваю, “иначе мать убьет”.

Мы отправляемся на рынок, где я стараюсь ни в чем не прогадать, не упустить ни одного шанса. Она покупает мне брюки, которые ужасно велики, и я до них так и не дорасту. С самым трагичным лицом я разглядываю прилавок с плеерами: она берет с меня какие-то немислимые обещания по уборке квартиры и протиранию пыли, но я соглашаюсь на все, и она покупает самый дешевый. В конце концов, мне достается небесно-голубой крабик с бабочками и стразами – он становится апофеозом этого бесконечного бизнес-успеха

пятиклассницы.

Брюки сваливаются, так что я закалываю их булавкой, которая постоянно расстегивается и больно колет меня в бок. Брюки, конечно, нельзя надевать при маме. Так что по утрам я одеваюсь в то, что “можно”, и, пока лифт едет с 7 на 1 этаж, я переодеваюсь в то, что хочется. На обратном пути я переодеваюсь обратно или стараюсь не попадаться на глаза.

Но все это ничего не стоит, потому что я очень “крутая”: у меня черные брюки-клеш, темно-синий пиджак, сине-белые кроссовки Adidas (почти агли шуз). А под пиджаком – кислотно-зеленая кофта.

Я не знаю, откуда она: кто-то отдал или принесли с помойки. Она мне явно мала, так что рукава стали в три четверти, голова с трудом пролезает, дырки в подмышках... Но у нее невероятный цвет и слева на груди какой-то загадочный зеленый крокодилчик, который меня завораживает.

На всех моих кедах теперь такой крокодилчик.

XII

Дача. Десять-одиннадцать часов утра. Высокий потолок, на котором дедом выложен узор виниловыми плитками. Кто-

то большой и жужжащий бьется о стекло. Из окна виден густой лес, сквозь который проглядывает лучами солнце. Я сладко потягиваюсь и не тороплюсь вставать, делая вид, что не слышу бабушкиных призывов.

На улице давно уже все заняты какими-то делами: дед что-то строит, бабушка что-то полет. Наш дом стоит из самого озера, а с другой его стороны – на весь сад – слышно, как играет радио. Всегда одна и та же станция и всегда из одного и того же дома. "Русскоооо-еее радио! Все будет хорошо!" Слышится плеск воды, визжат и верещат на озере соседские дети.

– Сонча-Сонча, вставай! Все проспидь! Ну вставай хоть купаться! – кричит бабушка.

Я выползаю из-под тяжелого одеяла, на мне длинная ночнушка до самого пола с зелеными колокольчиками. Беру ночной горшок и спускаюсь со второго этажа. Обязательно заглядываю в нишу между полом и потолком, присматриваясь: не прячется ли там, сверкая глазами в темноте, кот?

Наконец выползаю на крыльцо, умываюсь в огромной бочке с ледяной водой и иду за калитку. За калиткой – высоченные сосны и ели. Тропинка, где можно набрать грибов. Дятел, которого мы считаем своим.

Еды, конечно, нет. То, что готовит бабушка, есть невозможно. Так что набираю разной ерунды по огороду: где вытащу мелкую морковь, прикопав место преступления, где пристану к деду с тем, чтобы он достал мне огурец из-под самой крыши нашей гигантской теплицы. Бабушка подскажет место, где созрела клубника.

– А Сонька встала?

– Встала, встала!

Это Саша и Маша пришли, чтобы позвать меня на озеро. Мы купаемся, пока не посинеют ногти и не сморщится кожа на пальцах. Прыгаем, ныряем и пугаем друг друга. Только Машу заберут бабушка с дедушкой, оботрут полотенцем и "погонят" домой есть, до нас с Сашей никому дела нет, и мы сидим в воде до победы: пока зуб на зуб не перестанет попадать.

Целый день играю у кого-нибудь на втором этаже в карты, забегая домой, чтобы никто не заметил, перехватив какой-нибудь травы, или ем в гостях у Маши печенье для диабетиков "Мария".

Когда темнеет, я приползаю домой. Пью крепкий сладкий чай, в гости приходят соседи и мы вместе с бабушкой игра-

ем в дурака. А еще "Вы поедете на бал? Черное с белым не берите, да и нет не говорите"....

И только, когда все утомятся и разойдутся, я иду на свой второй этаж. Забираюсь с грязными ногами под тяжеленное ватное одеяло, которое проминает меня в глубину пружинной кровати. Смотрю на черный лес, в котором мне мерещатся страшные чудовища, и засыпаю, под шум бегущих ночных поездов.

XIII

Выписывая воспоминание за воспоминанием, особенно самые тяжелые, самые горькие, я получаю возможность вспомнить то хорошее, что забыто. Будто оперативная память наконец-то очистилась: из шокового травматического состояния все страшное уложилось в долгий ящик, стало историей, кусочком фильма, который не хочется больше пересматривать. И вот теперь в реальность переместились маленькие, радостные фрагменты калейдоскопа: это мое детство. Это повторяющиеся моменты чего-то простого и хорошего.

На кухне бабушка делает чебуреки. Масло шкварчит на сковородке, весь стол завален мукой, большой таз с фаршем и луком. Мне тоже разрешено делать кружочки, вкладывать их в красную пластиковую чебуречницу с кудрявыми края-

ми. Рядом бродит кот, привлеченный запахом мяса, трется о ножку стола и мурчит. По телевизору показывают какую-то ерунду, жарко. Заглядывает мама: «Только много не ешь их, они очень жирные!»

Сентябрь, почти ночь. Я, мама и бабушка сидим за столом. Перед каждой стоит по большому тазу с ягодами. И по маленькой тарелочке по бокам для мусора. Мне нравится обрабатывать только крыжовник, потому что он не мокрый (руки не раскисают, как от клубники и смородины) и хвостики нужно резать ножницами. Беру ягоду правой рукой, в левой ножницами – цап! – поворачиваю ее – цап! – крыжовник улетает в большую общую посудину. Потом меня поставят варить варенье из всего, завещав строго следовать рецепту. И только мои варенья не взрываются, потому что я соблюдаю технологию.

«Соня, ходь сюды!» – мама весело зовет меня из своей мастерской. «Ну-ка посмотри, как тебе?» Я с важным лицом эксперта долго разглядываю ее картину, каждую деталь и уголок.

– Трава теперь мне нравится, но вот этот кусок неба какой-то плоский.

– Небо плоское, говоришь... Угу... А почему? – мама задумчиво разглядывает фрагмент, на который я указала.

– Не все, но это облако какое-то неправильное – переминаюсь я с ноги на ногу.

– Есть такое, это потому что вот тут так?..

И мы еще долго обсуждаем, смотрим цвета, оттенки, думаем, как сделать лучше. В конце концов, мама говорит:

— Ладно, это завтра доделаю. Давай поедим?

Я прихожу из школы искусств, дома никого нет, но меня встречает мой пушистый белый кот. Он совершенно глухой, но всегда сидит у самой двери к моему приходу. Наверное, прибегает на стук моих шагов. Сейчас я буду зажигать свет во всей огромной квартире, потому что одной страшновато в темноте. Главное – выключить свет до прихода бабушки, иначе обязательно получишь: «Для кого жжем?!» Чувствую большую усталость, хочется просто уснуть, но нельзя, потому что надо еще сделать уроки.

Или вот захожу в квартиру вечером, а там мама с самого порога:

– Соня, а мы без тебя потолок не белили! Тебя ждали!

Я ужасно рада, ведь белить потолок очень интересно. Тем более, у меня такое козырное место: я сажусь на старый холодильник, с которого можно идеально дотянуться до потолка и работать с удобством. А еще: это мой потолок и я его крашу.

Старые окаменевшие обои снимать тоже очень интересно, только ногти жаль. Но у меня есть нож и энтузиазм. Случайно нахожу рисунки, которые сделала в 3 года. Домик и тропинка к нему.

Клеить обои тоже здорово. Мы с мамой разводим клей в

ведре, раскладываем обоину на полу, мне разрешено распределить клей по поверхности, а затем аккуратно прикладывать кусок по рисунку. Пока мама держит наверху обои, моя задача – разгладить все полотенцем, убрать излишки клея.

Обои висят до сих пор. Стыки идеальные, а швы нигде не разошлись.

– Мам, а как переводится это слово?

– Посмотри в словаре.

– Но ведь ты знаешь!

– У тебя есть словарь, посмотри.

Яростно листаю англо-русский словарь с тончайшими, будто шелковыми страницами. Но с каждым разом чувствую все меньше недовольства и все больше – интереса.

– Если не получается, ищи решение другим путем.

– Но я ничего не понимаю!

– Тогда читай параграф.

– Там тоже ничего непонятно!

– Читай раз, читай два, читай сто – до тех пор, пока не станет понятно.

В бешенстве читаю раз за разом и страшно злюсь.

Через несколько лет буду сидеть над курсовой, мучиться с терминами и сложными текстами, перечитывать статью по многу раз и самой себе говорить: «Читай раз, читай два, читай сто»...

Я часто остаюсь одна. Дома или на даче, но никто за мной не следит. Особенно летом. Мама работает, потому что световой день длинный и можно долго рисовать. По субботам она рисует портреты на улице на заказ. Бабушка почти все лето проводит на даче: сеет, полет, поливает, ругается с дедом, когда он выпивает.

Наш дачный дом стоит на самом берегу пруда: большие каменные глыбы вынуты на берег: спуск к воде очень резкий, я сажусь на корточки и потихоньку аккуратно скатываюсь по гладкой поверхности камней. Главное – не поскользнуться, потому что края глыб бывают очень острыми, и, если соскользнешь, то сразу окажешься в воде и обязательно больно расшибешься.

В воде много интересного происходит в разное время лета. Когда – плавают в ней полупрозрачные скользкие лягушачьи икринки, когда – из икринок вылупляются маленькие головастики.

За ними забавно наблюдать: у кого-то уже есть одна лапка, а то и две, у кого-то отчетлива видна голова и есть одна лапа, кто-то уже совсем лягушонок, но еще с хвостом. Я ловлю их сачком, сделанным из низа бутылки. А потом отпускаю обратно, вдоволь наглядевшись на эту лягушачью эволюцию.

Этим же сачком хорошо ловятся на хлебные крошки блестящие мальки. Их я тоже выпущу назад, ведь их не ест даже кот. Он разве что заигрывает маленьких рыбок на крыльце, развлекая всех своими прыжками.

А когда – множество улиток всех размеров, слепленных между собой, их я пытаюсь тщетно заставить размножаться в неволе, но мне ничего не удается.

Иногда – маленькие зелёные ящерики, быстро и юрко сбегающие от тебя, оставляя в руке только кусочек дергающегося хвостика.

Сегодня – водомерки. Их всегда много, они стремительные, как конькобежцы, скользят в разные стороны, оставляя за собой круги на воде. Их никогда не удается поймать.

Неожиданно вижу какое-то шевеление: красивая голубая стрекоза лежит в воде и смущает водяное товарищество. Ее дергают, кто-то пытается куснуть. Непонятно, жива она или нет. Я вынимаю жертву из воды: вдруг еще есть шанс?

Поднимаюсь по крутому отвесу к дому и бережно несу стрекозу. Она очень хрупкая, тельце издает звук чего-то полого, если на него нажать. Одно нижнее крыло сломано.

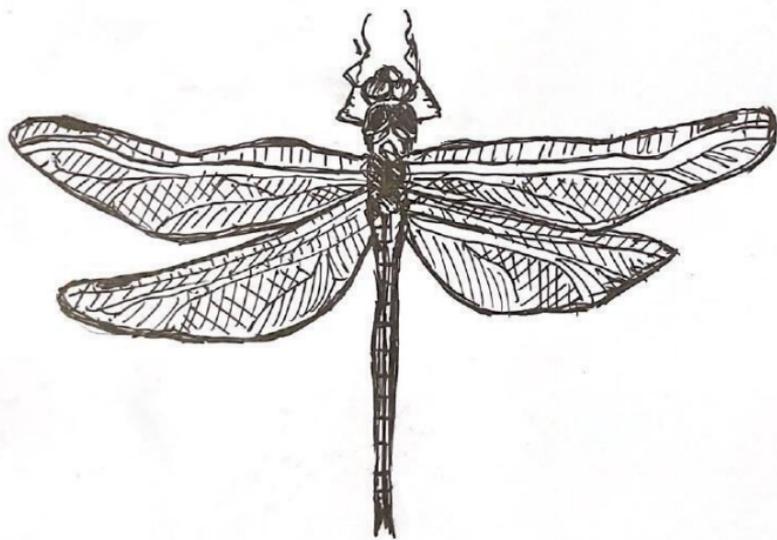
У дома я разглядываю переливающееся тельце и блестящие слюдяные крылья. Сдуваю капли воды с них в надежде помочь.

Вдруг вижу: стрекоза оживает! Еще немного – обсыхают крылья, лапки становятся цепкими, как липучки.

Наконец, издавая звук маленького пропеллера, моя пленница взлетает. Я наблюдаю за ее полетом на фоне высоких солнечных сосен и чувствую огромную радость.

«Даже не попрощалась!» – думаю я и вижу, как стрекоза возвращается ко мне и садится на плечо: голубая, блестя-

щая, со сломанным крылом, чтобы снова, стрекоча, улететь
в сторону леса.

XV
Мне пять.

– Поехали к маме в сквер! Одевайся, – весело говорит бабушка.

Сквер – это место в центре города, где продают мелкие сувениры из уральских самоцветов, всякие безделушки и даже игрушки из киндер-сюрпризов. А еще – местные художники продают картины и рисуют портреты на заказ тут же на улице.

– И почему ты ее привезла такую грязную? Позорите меня! Неряшливо выглядишь! – ругается мама.

А на мне любимый синтетический свитер (бабушке было все равно, что я надену) с малиново-алыми рукавами и, кажется, рыжим лисенком на белом фоне на груди. На нем несколько пятен и одно большое, жирное...

Мама очень недовольна. А я очень рада. Тёплый летний вечер, я прыгаю по скверу от продавца к продавцу, надоедаю им расспросами и бесконечно разглядываю товары. «Не трогай, девочка!»

В центре сквера интересный несимметричный фонтан с квадратными краями, выложенный плитками. Можно долго нарезать круги по периметру, цепляясь за стволы ив, ветви которых свисают почти в воду.

У фонтана можно встретить детей других художников и поиграть вместе, поболтать о своих важных детских делах.

Но самое привлекательное – поменяться игрушками с владельцами киндеров. У меня есть папа-акула из коллекции, но он мне не нравится, так что я надоедаю мрачным

мужчинам с игрушками. В конце концов, продумав все пути, я выбираю парочку танцующих акул – принц и принцесса. Две игрушки вместо одной. Но так можно! Они ведь в наборе. Выгодная сделка.

Мрачный мужчина меняется со мной и кладет мою игрушку в форму из-под конфет. А я думаю о том, что теперь смогу сочинять счастливые истории про моих влюбленных акул.

***

Сквера того больше нет. Сначала оттуда выгонят художников в аллею, там они, пропыленные трамваями с двух сторон, по-прежнему будут платить дань за право постоять один день бодрым ребятам в коже. Потом и вовсе – на отшиб, к цирку вместе со всеми лавочниками и торговцами лубочными картинками.

Наконец, уничтожат сквер с необычным фонтаном и большими ивами, чтобы построить страшный торговый центр, похожий на гигантский гроб.

И только мать все так же мной недовольна.

XVI

– Вставай, все проспичь! – командует мама.

– Я никуда не хочу! Это воскресенье – единственный день, когда я могу спать, сколько влезет! – хнычу я и прячусь под одеяло.

– Пойдем на лыжах кататься!

– Да не хочу я!

– Вставай и поехали! Смотри, какой день хороший!

Мне нравятся мои лыжные ботинки. В них, конечно, так гулять нельзя и холодно, но они новые – это, во-первых, а во-вторых, на них красивые сиренево-бронзовые кожаные полоски с краями, будто нарезанными ножницами-зигзагами. Мама купила мне весь лыжный набор: лыжи насыщенного голубого цвета с ярко-красными и желтыми полосками, такого же цвета лыжные палки.

И только на чертовых креплениях пришлось сэкономить. Они как-то неровно сварены, так что пристегивание левого ботинка каждый раз превращается в пытку. А правое крепление самопроизвольно расстегивается на ходу.

На улице ветрено, ноги в ботинках скользят по снегу, в осенней куртке холодно, но мама никогда меня не кутает, когда я катаюсь на лыжах или коньках: «Разоденешься, вспотеешь – так легче простудиться. Да и как ездить-то в шубах?»

Недалеко от нашего дома красивый лес. Высокие темные сосны и лыжня – будто переплетенные пути на конечной станции каких-то поездов.

Тут начинаются муки с креплением.

– Да что ты там возишься!

– Не могу, не получается... – ною я. – Помоги!

– Давай сама, а я посмотрю.

Я ломаю ногти и прищемляю пальцы, а мама лишь кричит:

– Ну, поехали! – и уезжает далеко от меня.

Дорожки лыжни постепенно сливаются в одну бесконечную глубокую колею. Приходится уступать дорогу, выпрыгивая в сугроб. Вот малышня едет на санях с горы и готова в тебя въехать. Вот на пути знакомая учительница музыки из школы искусств – теперь секрет ее стройности раскрыт.

Сосны в глубине леса будто звенят, в голове играет какая-то новогодняя песенка. Впереди озеро: чтобы выйти на него, нужно пройти коротенький, но очень крутой подъем.

– Ну, поднимайся елочкой, как я тебя учила!

– Да я не умею! Можно я лыжи сниму?

– Нет, нельзя! Учись!

Я пытаюсь забраться елочкой. Задники лыж попадают друг на друга, ноги разъезжаются, и я падаю на спину в какое-то нелепое полусидячее положение. Лыжи втыкаются в сугроб, и все, о чем я думаю, как бы их не сломать!

– Теперь уж отстегивай, поднимайся!

Мама стоит надо мной на горке и наблюдает. Руки до креплений не дотягиваются, замок на них мне не поддается. Я уже начинаю плакать от обиды. Какой-то проезжающий лыжник вызывается мне помочь, но мама его сразу останавливает: «Пускай сама, пускай, пускай!»

Про себя я проклиная мать, нарекая ее самыми скверными именами: «Погоди у меня, припомню я тебе эти лыжи!!» В какой-то момент крепление сдается. Я с облегчением целиком ложусь в снег. Лыжи целы. Мамы уже нет, она где-то

далеко...

...Она где-то далеко. А я выезжаю из блестящего леса к сверкающему на солнце озеру. Белое его снежное полотно, чистое и нетронутое, такое, что, кажется, ослепнуть можно от белизны. Глазам больно – вот как бело. Солнце разливается ровно по гладкой поверхности ледяной пустыни. Свежо, чисто, весело. Я останавливаюсь у края озера среди небольших кустарников и ив, которые, как черное кружево, закрывают вид на это необозримое пространство. Больше не слышно шороха куртки, нет шума от лыж, я поправляю выбившиеся из-под шапки волосы и смотрю на ярко-голубое, будто вымытое, небо. И вот – бело, бело, бело... Какие-то зимние птички прыгают по веткам и чирикают что-то свое невнятное. От всей этой красоты хочется рассмеяться и расплакаться одновременно. Как хорошо, что я здесь совсем одна.

XVII

В супермаркете «Кировский» продается все на свете. Это не маленькая «Восьмерка» рядом с домом, никаких злых продавщиц, которых нужно просить показать товар. Зато есть огромный просторный зал с полками, ломящимися от еды, где все можно потрогать руками.

Только ничего нельзя купить.

Я хожу в «Кировский», чтобы развлекаться. Представлять, что я тоже гуляю по нему с огромной тележкой (фан-

тастика!), гордо ступаю по глянцевому полу, деловито разглядываю товары и беру все, что мне захочется! Когда рот переполняется слюной, я отправляюсь домой.

Но перед этим обязательно поднимаюсь на второй этаж, где продается одежда, бытовая химия и канцтовары, чтобы сверху наблюдать за движением резиновой ленты. Это в хлебном отделе выпекают сладкие «кировские» булочки. С корицей, изюмом или маком... Повара работают за стеклом, на них можно смотреть и со стороны, но наблюдение сверху приносит гораздо больше удовольствия. Запахи распространяются по всему огромному двухэтажному залу, булочки бегут по припыленной мукой ленте. И так хочется съесть их все!

Только бабушка может себе позволить закупаться в «Кировском». Она набирает горы консервов – горошка, кукурузы («Не трогай, это на Новый год!»), покупает литры сока («Есть, да не про твою честь!»). А еще сладкое, колбасу, сыр, но ничего этого есть нельзя. Все это стоит в холодильниках днями, неделями, месяцами...

–

Мама, можно мне колбасы?

–

Нет, нельзя, это бабушки.

Можно сказать, я живу в «Кировском».

Если мама покупает сок, то мы растягиваем его на несколько дней и пьем по полстакана. Невыносимо хочется

напиться соком до забытья, так, чтобы лопнуть! Но нельзя, все строго учитывается. Если везет, и есть сыр или колбаса, полагается отрезать только разрешенное количество кусочков. Когда мама устроится на работу в Свердловэнерго, у нас будет и сыр, и колбаса – я буду считать это время самым счастливым в своем детстве.

На первом курсе университета я буду сидеть за своим рабочим столом в общежитии, есть вилкой горошек из банки, рвать руками свежий батон из «Ленты» за 6 рублей и запивать это все литром томатного сока. Да так, пока не затошнит.

XIX

Меня часто оставляют одну. Мне года три или четыре. Я катаюсь по полу у входной двери, рыдаю, зову маму, но ее нет много часов. Я долго разглядываю замочную скважину: меня закрыли, так что я не могу выйти. Кажется, что мама улетела в другую страну и бросила меня. Холодный линолеум касается маленьких детских щек, распухших от слез, я задыхаюсь от крика, но никто не приходит.

Тогда я выхожу на балкон, нижняя часть которого не застеклена, высовываю голову в проем между решетками и кричу на весь двор: “Мама! Мама!”. Внизу собираются сердобольные прохожие. “Девочка, что случилось? Как тебе помочь?”. Я только кричу в ответ: “Мама, мама...”.

Маленькие локоточки совсем красные от ковра, который

бабушка положила сюда, чтобы наблюдать за жизнью двора. Я сижу среди цветов и растений, иногда выкидываю вещи с балкона – фотографии, игрушки, будильник – за что мама потом ругает меня.

Наконец мама возвращается: она привезла мне клетчатое фиолетовое пальто с синим искусственным мехом. Я буду носить это пальто до тех пор, пока рукава не станут три четверти.

Мне пять-шесть. Я снова одна в квартире. Грустно катаю по коридору железную складную коляску с голубыми и оранжевыми цветочками. Мне очень хочется иметь братика или сестренку, чтобы не было так одиноко одной. Или хотя бы посадить в коляску кота.

Мне восемь. Мне подарили котенка. Когда дома никого нет, я выхожу с ним на балкон и высовываю его за решетку:

–

Видишь, как высоко, но я не бросаю тебя. Я же тебя люблю.

Я торопливо достаю кота, прижимаю его крепко к себе, глажу и приговариваю: “Я никогда с тобой так не поступлю”.

XX

Дома двенадцать зеркал. Все они огромные, по два-три зеркала в каждой комнате. Зеркала в коридорах, в советских стенках и хельгах, с наклоном и без, вертикальные и горизонтальные, даже в золотой раме с завитушками. В некото-

рых местах зеркала висят друг против друга, образуя бесконечные лабиринты.

Напротив зеркал множество мелких побрякушек, блестящих жучков, кукол, статуэток. Все это нельзя трогать. Это не игрушки. Во всяком случае – не мои.

На всех шкафах и столах бесконечные искусственные розы. Красные, белые с каплями росы, но больше всего – розовых. Это любимый цвет бабушки после фиолетового. Когда мама ссорится с бабушкой, она кричит: “Везде твои кладбищенские цветы!”.

К цветам я равнодушна. Иногда их, конечно, интересно понюхать – они пахнут, как вся синтетика, чем-то ядовитым и очень притягательным. Интересно поколупать капельки росы. Игрушками я все равно играю, когда никого нет. Лишь бы все вернуть по местам.

Но самое мучительное – искусственная еда. Пластиковые яблоки, апельсины, груши, виноград... Два больших красных яблока, которые выглядят, как настоящие, так что гости их постоянно принимают за живые. Две грозди винограда. Одна зеленая, другая – бордовая.

Они такие красивые на вид и такие приятные на ощупь, что я постоянно трогаю их, жамкую маленькие виноградины, ощущая их резиновость. Как я мечтаю, чтобы они стали настоящими!

Я снимаю с веточки одну зеленую виноградину и жую ее. У нее такой же резиновый вкус. Голодная, надкусываю боль-

шое красное яблоко, чувствую плотную резину на зубах, но представляю, будто во рту вкус настоящего яблока.

А еще в ванной стоят батареи шампуней. Все они яркие, разноцветные с самыми приятными фруктовыми запахами. Мой любимый запах у оранжевого шампуня – загадочный мультифрут. Я уже не маленькая и знаю, что шампуни не могут быть вкусными (точно не вкуснее резиновых яблок), но запах такой манящий, что я все-таки пробую его на вкус. Мыльный рот не так-то просто прополоскать, и желание пробовать шампуни проходит.

А постоянный голод – нет.